

ИССЛЕДОВАНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Сулейбанова М.У.

Чеченский государственный университет, Грозный, Россия (364907, Грозный, ул. Шерипова, 32), e-mail: sulejbanova/ru@mail.ru

В разных языках один и тот же предмет может быть назван на основе одинаковых признаков: русское слово *синька* и его чеченский эквивалент *лилицасенъян* мотивированы признаком «синий цвет», хотя предназначение данных веществ состоит в том, чтобы придавать белой ткани (или бумаге) голубоватый оттенок, ср. в чеченском: *лила тоьхнасенъян* (голубая краска для подкрашивания белья). В данном случае мы говорим о совпадении внутренней формы производных слов двух языков. Однако сопоставление русских существительных *желток* (часть яйца), *желтуха* (название болезни), внутренняя форма которых мотивирована прилагательным *желтый*, с их чеченскими соответствиями свидетельствует об отсутствии такого соотношения в чеченском языке: *желтый* – *можжа*, *желток* – *буьйра*, *желтуха* – *маждар*. Таким образом, сравнивая средства обозначения в разных языках, сопоставляя соотносительные номинации и принципы наименования различных реалий, мы познаем национальное своеобразие этих языков и выявляем, как работает механизм языкового сознания их носителей.

Ключевые слова: чеченский эквивалент, мотивированы признаком, совпадение внутренней формы, чеченский язык, соотносительные номинации, механизм языкового сознания.

RESEARCH OF THE WORD-FORMATION NOMINATION IN THE RAZNOSTRUKTURNYKH LANGUAGES

Sulejbanova M.U.

Chechen State University in Grozny, Russia (364907, Grozny, str. Sheripova 32) e-mail: sulejbanova/ru@mail.ru

In different languages the same thing can be named on the basis of the same characteristics: Russian word blue and his Chechen ekivalentlilitsasenyana motivated sign "blue", although the purpose of these substances is to attach a white cloth (or paper) a bluish tint, cf. Chechen: *lilatohnasenyana* (blue dye for coloring linen). In this case we are talking about the coincidence of the internal form of derivative words of the two languages. However, comparison of Russian nouns yolk (the egg), jaundice (name of disease), which is motivated by the inner form adjective yellow, with their Chechen correspondences testifies to the absence of such a relation in the Chechen language: *yellow-mozha*, *yolk-buyra*, *jaundice-mazhdar*. Thus, comparing the marking means in different languages, comparing relational category names of the various principles and realities, we know their national images of these languages, and reveal how the mechanism of linguistic consciousness of their carriers.

Keywords: Chechen ekivalent, motivated sign, matching the inner form, the Chechen language, correlative nomination, the mechanism of language consciousness.

Можно предположить, что в качестве основных единиц (межъязыковых соответствий) при сопоставительном исследовании словообразовательной номинации разноструктурных языков должны выступать непрямые и производные слова, а также эквивалентные им сочетания слов. Как верно пишет З.А. Харитончик, «принципиальное ономаσιологическое тождество простых и производных слов, обусловленное референцией к отраженному миру действительности, диктует включение в лексические поля и соответственно в те или иные виды лексических подсистем внутри них разноструктурных единиц» [9, с.47].

Сопоставительный анализ номинативных средств русского и чеченского языков позволяет выявить степень их структурной и семантической эквивалентности.

Действительно, то, что в одном языке получает нерасчлененное наименование, в другом маркируется словообразовательными или синтаксическими средствами и наоборот. Например, если в русском языке глагол *нюхать* является непроизводным словом, то в чеченском его значение передается словосочетанием сущ. *хьожэ* + «запах» глагол *яха* «снимать». Русское существительное *письмо* образовано от глагола *писать*, но его чеченский эквивалент *йоза* является первообразным словом, хотя, безусловно, определенная часть эквивалентов выявляется и на словообразовательном уровне, например: *писать* – *писатель* (*йоза-яздархо*); *вкус* – *вкусный* (*чам* – *чомахь*); *холод* – *холодеть* (*шелэ* – *шелвала*). В русско-чеченских соответствиях в качестве эквивалентов достаточно регулярны и аналитические сочетания: *подбросить* – *ирххуосса* (*бросить вверх*), *сухарь* – *йакъаеллабаьпканйуьхк* (*высушенный кусок хлеба*) [8, с.15]. Следовательно, при сравнении можно обнаружить не только разную степень расчлененности в подаче языкового содержания, но и специфику номинативного оформления: русский глагол *переводить* – цельнооформленная номинация, а его чеченское соответствие *гоч дан* (букв.: *делать перевод*) – раздельнооформленная номинативная единица [8, с.16]. Как пишет В.Ф. Васильева, семантическая сжатость деривата и большая по сравнению с ним эксплицитная информативность аналитического наименования способствуют тому, что идентичные «факты мысли» в сопоставляемых языках выражаются с разной степенью детализации [1, с.11].

Результаты межъязыкового анализа однословных и неословных (расчлененных) номинаций имеют большое значение для решения проблемы линейной предельности языкового знака. В каждом из языков существуют различные структурные формулы для передачи информации: с одной стороны, это однословные номинативные знаки, где означаемое выражается одним означающим, и неословные номинативные знаки, когда для выражения означаемого требуются дискретные единицы, линейно превышающие пределы одного слова. При семантизации понятия средствами другого языка происходит смена номинативного знака и означаемое может выражаться иными структурными означающими: *суховей* – *бекъа мох* (букв.: *сухой ветер*), *сухомятка* – *екъаюург* (букв.: *сухая еда*). Вне сомнения, и синтетическое словообразование с его компрессивной функцией, и аналитические номинации с их строго закрепленной денотативной референцией имеют важное значение для каждого из языков, однако их разное соотношение при объективации одних и тех же реалий является одной из главных причин возникновения межъязыковой асимметрии [8, с.17].

Будучи результатом вторичного означивания, производное слово возникает на базе уже существующих слов в рамках словообразовательных процессов и при помощи словообразовательных средств, наличествующих в данной языковой системе. Сама

номинативная техника любого языка, безусловно, связана с его морфологической структурой, что позволяет объяснить отсутствие номинативной единицы в одном из сравниваемых языков системными ограничениями.

По мнению В.А. Плуногьяна, позиция аффиксов в словоформе жестко закреплена; два основных позиционных класса аффиксов (предшествующие корню префиксы и следующие за корнем суффиксы) в естественных языках обычно не содержат одних и тех же элементов. Иначе говоря, ситуация, когда одна и та же морфема в языке в одних словоформах является префиксом, а в других словоформах выступает в качестве суффикса с тем же значением, сравнительно нетипична [7, с.88]. То же самое можно сказать и о деривационных соответствиях в разносистемных языках: мнение, что значения русских глагольных префиксов передаются на чеченский язык при помощи каких-либо суффиксов, будет неверным и не подтверждается языковыми фактами.

Таким образом, соотносительность способов словообразования двух языков отнюдь не гарантирует соотносительности словообразовательной структуры коррелирующих слов, о чем свидетельствуют факты межъязыковой асимметрии в системе номинативных рядов. Поэтому, наряду с чисто деривационным аспектом, когда в сопоставительном плане рассматривается словообразовательная семантика и способы ее выражения, большое значение в установлении межъязыковой номинативной эквивалентности приобретает сравнительный семасиологический анализ, предполагающий идентификацию всего понятийного содержания соотносимых языковых единиц.

Логико-семантическому аспекту в сопоставительной ономастиологии посвящены работы В.Ф.Васильевой [1994], [2003]. Под логико-семантическим аспектом автор понимает языковую реализацию обобщающих единиц сознания (прежде всего понятия), участвующих в процессе номинации, поскольку перевоплощение «идеи» логической в «идею» семантическую есть тот механизм, который обеспечивает содержательное наполнение номинативной единицы. Своеобразие системы номинации конкретного языка обуславливается преобладанием одних средств и способов номинации над другими, их большей или меньшей продуктивностью. Не менее важным для характеристики номинативной системы является, как подчеркивает В.Ф. Васильева, и выявление различий на собственно семантическом уровне, возникающих в процессе языковой стилизации мыслительных единиц. Эти собственно семантические различия, подобно различиям структурным, также могут служить типологическими характеристиками номинативных систем. Межъязыковая асимметрия в системе номинации на семантическом уровне объясняется действием принципа произвольности языкового знака как номинативной единицы. Это означает, что «процесс формирования лексической единицы сопровождается

относительной свободой интерпретации мыслительного содержания, следствием чего является возможная функциональная эквивалентность разнородных семантических структур» [2, с.5].

Слово, являясь знаком, соотносится, с одной стороны, с понятием, а с другой – с самой именуемой реалией. В этой связи наряду с вопросом, какие именно средства и модели используются в разных языках при назывании одних и тех же элементов действительности (т.е. в чем состоит специфика номинативной техники каждого из языков), представляется важным ответить на вопрос, какие именно фрагменты действительности получают языковую объективацию в сопоставляемых языках? В этой связи представляются интересными идеи Т.И. Вендиной [1998], [1999], [2002], которая считает, что словообразование открывает большие возможности для концептуальной интерпретации действительности. По ее мнению, оно позволяет понять, какие элементы внеязыковой действительности и как словообразовательно маркируются, почему они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка. По словам ученого, «сохраняя свою внутреннюю форму, производное слово <...> дает возможность понять "привычки сознания", узнать, о чем и как думает тот или иной народ, отсылая его к концептуализации мира. А поскольку та концептуализация носит системный характер, то выбор словообразовательно маркируемых категорий и их объективируемых признаков также не является случайным и тем более хаотичным, а носит системный характер, давая представление о мировидении, мироощущении и мирозерцании народа» [3, с.27]. Итак, сопоставительный ономастологический анализ способствует выявлению национально-культурной специфики языковых единиц. В рамках теории деривации специфика языкового мышления тесно связана с понятием внутренней формы слова, поскольку именно она может стать источником национально-культурной информации. Сопоставительный анализ внутренней формы однокоренных слов двух языков позволяет установить, как работает механизм языкового сознания при номинации одних и тех же денотатов, какие признаки и ассоциации кладутся в основу наименования различных реалий объективной действительности, какие концептуальные сферы двух языков в большей степени подвержены словообразовательной детерминации.

Изучение внутренней формы слова в ее современном понимании (ср. интерпретацию этого понятия в трудах В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни и Г. Шпета) в первую очередь связано с развитием ономастологического и когнитивного направлений в словообразовании. Именно производные слова, дериваты разных типов, указывая на семантическую и структурную соотнесенность морфем, обнаруживают тем самым главный признак,

положенный в основу номинации. Под внутренней формой слова понимается семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения [6, с.85]. Содержательная сторона производных номинаций, ее глубинная структура тесно связан с понятием внутренней формы слова, отражающей характер логико-семантических процессов при образовании данных единиц. В дериватологии внутренняя форма слова рассматривается как «способ семантической организации значения производного слова, проявляющийся в выдвигании на первый план компонентов, которые получают формальную маркированность, выражаются мотивирующей частью слова» [11, с.24].

Особенно ярко внутренняя форма производных слов выступает при сравнении языков. «Во внутренней форме отдельных слов в различных языках мы обнаруживаем не только специфически самобытные способы проявления понятия в его звуковой оболочке, – что само по себе очень важно, – но и черты известного сходства в способах выявления понятия в различных языках» [1, с.51]. Действительно, в разных языках один и тот же предмет может быть назван на основе одинаковых признаков: русское слово *синька* и его чеченский эквивалент *лилицасеньян* мотивированы признаком «синий цвет», хотя предназначение данных веществ состоит в том, чтобы придавать белой ткани (или бумаге) голубоватый оттенок, ср. в чеченском: *лила тоьхнасенъян* (голубая краска для подкрашивания белья). В данном случае мы говорим о совпадении внутренней формы производных слов двух языков. Однако сопоставление русских существительных *желток* (часть яйца), *желтуха* (название болезни), внутренняя форма которых мотивирована прилагательным *желтый*, с их чеченскими соответствиями свидетельствует об отсутствии такого соотношения в чеченском языке: *желтый* – *можа*, *желток* – *буьйра*, *желтуха* – *маждар*. Таким образом, сравнивая средства обозначения в разных языках, сопоставляя соотносительные номинации и принципы наименования различных реалий, мы познаем национальное своеобразие этих языков и выявляем, как работает механизм языкового сознания их носителей (для выводов).

Одной из главных задач в статье является описание национального своеобразия внутренней формы производных слов разных языков, поэтому особое внимание мы уделяем таким случаям межъязыковой асимметрии, когда мотивированной с точки зрения деривации номинативной единице одного языка в другом языке соответствует немотивированный знак или же знак, мотивированный иной производящей основой. Другими словами, внутренняя форма слова в сопоставительном словообразовании проявляется в характере смыслового отношения производного слова к мотивирующей его основе. Сопоставительный анализ словообразовательных номинаций русского и чеченского языков позволяет выявить

специфику языкового мышления и характер ассоциаций при назывании тех или иных предметов действительности. Например, русскому производному слову *нефть* (по М. Фасмеру оно заимствовано через турецкий из персидского *neft*, что означает 'влажный') в испанском соответствует *el petroleo*, в чеченском *мехкадаьтта*. Все эквиваленты представляют собой производные структуры – сложные слова, оба компонента которых содержат мотивировочный признак. В испанском и чеченском языках отсылочные признаки, выраженные в опорном компоненте, совпадают: *едаьтта*, – *масло*, т.е. внутренняя форма этих лексем свидетельствует о том, что по консистенции обозначаемое вещество напоминает масло: возможно, маслянистое на ощупь или обладает другими физическими характеристиками, присущими данной субстанции. Что касается признаков, выраженных в первой части композитов, то в испанском языке первый компонент является относительным прилагательным и соотносится со словом *petreo (a)* – *каменный, каменистый*; (ср. у Даля: *нефть – горное масло, земляной деготь, ископаемая жидкая смола*); в чеченском языке компонент *мехкан* означает *земля, почва*, что является собственным признаком денотата, поэтому *нефть*, с точки зрения чеченского языкового сознания, представляет собой «черное масло». В русском языке аналогичной можно считать аналитическую номинацию «черное золото». В данном случае основной причиной межъязыковой асимметрии внутренней формы производных слов является различие признаков, репрезентирующих предмет в том или ином языке [8, с.20].

Таким образом, сопоставительный анализ внутренней формы слов разных языков позволяет нам выявить сходства и различия в способах представления действительности при номинации одних и тех же денотатов. Причины межъязыковой асимметрии в этой области могут быть разными: это и соотношение примарной, производной и заимствованной лексики в словарном составе каждого языка, и системно-структурные различия между языками, проявляющиеся в индивидуальном наборе словообразовательных средств и моделей, и, наконец, специфика механизма языкового сознания, вычленяющего те или иные признаки и ассоциации, которые кладутся в основу наименования.

Внутренняя форма производной номинативной единицы наиболее явственно предстает в окружении других родственных слов, объединенных в словообразовательное гнездо. Словообразовательное гнездо как одна из форм систематизации производных слов тесно связано с функционированием лексико-семантической системы языка вообще, поэтому типология словообразовательных гнезд на основе принадлежности исходного слова к различным тематическим и лексико-семантическим группам является отправным моментом в дальнейших исследованиях лексического состава и структурной организации этих единиц. С этой точки зрения словообразовательное гнездо представляет собой совокупность

номинативных единиц, своего рода номинативную микросистему, позволяющую изучать, с одной стороны, связь внутренней формы слова с семантикой лексико-тематического характера, с другой стороны, комплексные единицы словообразования в функционально-коммуникативном аспекте. Из этого следует, что в рамках такой общности, как словообразовательное гнездо, можно выявить факт «селективности словообразования» [3,с.10], когда одни и те же сферы в одном языке оказываются открытыми для словообразовательных процессов, а в другом – закрытыми.

Сопоставительный аспект изучения словообразовательных гнезд разносистемных языков является способом углубленного познания объектов словообразовательной номинации с точки зрения универсальности и уникальности их семантической структуры и места в системе языка. Состав лексических единиц как номинационных структур следует, на наш взгляд, определять в рамках таких словообразовательных гнезд, исходные слова которых являются семантическими универсалиями, например, слова с семантикой цветообозначения, наименования частей тела, предметов быта, явлений природы и т.д. Тем явственнее на их фоне будет выступать специфический набор производных каждого из гнезд, свидетельствующий о сходстве и различиях словообразовательно маркируемых категорий.

Сопоставительный ономаσιологический анализ однокоренных слов разных языков также базируется на понятиях «языковая картина мира» и «национальная специфика семантики слова». В рамках настоящей работы нет необходимости детально рассматривать проблему «картина мира и словообразование», так как исследованию данного вопроса посвящен ряд работ Е.С. Кубряковой, Т.И. Вендиной, О.А. Корнилова и др. По справедливому утверждению Е.С. Кубряковой, словообразовательные категории являются активным средством категоризации явлений и их классификации; благодаря их существованию в концептуальную модель мира проникают концепты высокой степени абстракции, играющие заметную роль в иерархии концептов и их упорядочении. Обобщенный характер ономаσιологических категорий, созданных с помощью словообразовательных средств, их семантическая насыщенность и прозрачность, прагматическая значимость – все эти качества делают их важными «координатами» в языковой картине мира, частично предопределяющими стратификацию лексики в целом ряде ее сфер [5, с.171]. Что касается национальной специфики семантики слова, то она обнаруживается в целом ряде аспектов на всех языковых уровнях и в том числе на словообразовательном. «Национальная специфика семантики какой-либо языковой единицы – это ее отличие по компонентам значения от сходных единиц языка сравнения» [10, с.52]; Таким образом, сопоставительный анализ словообразовательных гнезд разных языков может стать источником национально-

культурной и концептуальной информации, углубляя наши представления о языковом сознании того или иного народа.

Сопоставительный анализ номинативных единиц в составе словообразовательного гнезда можно проводить, предварительно разделив все производные по частеречному принципу, выявляя таким образом межъязыковые соответствия между ономаσιологическими категориями предметности, процессуальности и атрибутивности. Ономаσιологический аспект изучения словообразовательных гнезд позволяет установить внутриязыковые и межъязыковые межкатегориальные связи, например, представить, как статический признак видоизменяется в признак динамический, протекающий во времени и пространстве: *стары – стареть (къена – къанло)*; как процессуальные признаки, мыслящиеся протяженными и протекающими во времени и пространстве, преобразуются в обозначения субстанциональных объектов: *нагревать – нагреватель (йохйан – йохйийриг)* и т.д.

В составе словообразовательных гнезд наличествуют слова с определенным типом словообразовательного значения: согласно концепции М. Докулила [1962] – мутационным, модификационным или транспозиционным, каждое из которых соотносится с определенной номинативной функцией. С точки зрения Л.М. Васильева, при мутации изменяется не только лексическое значение производящего слова (его понятийное содержание), но и его номинативная функция: производное слово обозначает иной предмет мысли. Частеречная значимость производного слова может при этом сохраняться, например: *стол – столяр, строитель – строительство*, но может и меняться: *черный – черника*. При модификации несколько видоизменяется лексическое значение производящего слова, приобретая те или иные коннотации (модальные, экспрессивно-эмоциональные), а номинативная функция и частеречная значимость сохраняются, например: *стол – столик, легко – легонько, голубой – голубенький*. При транспозиции меняется лишь частеречная значимость производящего слова, а его лексическое значение и номинативная функция остаются прежними. Таким образом, с актами номинации связаны лишь процессы мутации, т.е. особую номинативную функцию способно выполнять лишь производное слово в целом, являющееся результатом мутационного словообразования [2, с.4]. Итак, каждый из типов словообразовательного значения в большей или меньшей степени определяет номинативную функцию производного слова, а через него и ономаσιологическое задание той или иной словообразовательной структуры.

В заключение следует сказать, что изучение словообразовательной номинации иносистемных языков тесно связано с вопросом о сущности номинативной функции человеческого языка вообще. Такого рода исследования позволяют обнаружить

национальные стереотипы наречения тех или иных фрагментов окружающего нас мира, реконструировать механизм речемыслительного акта и ассоциативных связей, что расширяет наши представления о языке как средстве познавательной деятельности человека [8, с.23].

Список литературы

1. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. – М.: Учпедгиз, 1958. – 435 с.
2. Васильева В.Ф. Семантическая характерология в контексте сопоставительного изучения языков (на материале чешского и русского языков) /В.Ф. Васильева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 2003. – № 2. – С.7-17.
3. Вендина Т.И. Словообразование как способ дискретизации универсума / Т.И. Вендина // Вопросы языкознания. – 1999. – № 2. – С.27-49.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Сов. энциклопедия, 1999. – 685 с. (ЛЭС).
6. Плуноян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: учеб. пособие / В.А. Плуноян. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.
7. Сулейбанова М.У. Типологическая характеристика композитов нахских языков. – Пятигорск, 2010. – 165с.
8. ХаритончикЗ.А. Лексические поля и словообразовательные процессы / З.А. Харитончик // *Slowotwyrstwo a innesposobynominacji*. – Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2000. – С. 46-52.
9. Янценецкая М.Н. Мотивационные отношения в лексике и лексическое гнездо / М.Н. Янценецкая // Семантическая структура слова. – Кемерово, 1984. – С. 3-17.

Рецензенты:

Навразова Х.Б., д.ф.н., профессор кафедры чеченской филологии ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», г. Грозный.

Тимаев А.Д., д.ф.н., профессор, профессор кафедры чеченской филологии ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», г. Грозный.